

chronology, the assumption of continuity between the Neolithic and Eneolithic can be extended to the basin of the Sok River, where there is a closure of a chronological range of comb Neolithic complexes and eneolithic materials of the Chekalinskiy type. The chronological interval of the late Neolithic ceramics partially coincides with the time of the existence of Tokskiy materials, as well as with the Gundorovskiy type and «with an internal edge» ceramics.

Keywords: absolute chronology; radiocarbon analysis; statistical model; forest-steppe Volga region; neolithic; eneolithic; ceramic tradition; pottery; Srednevolzhskaya culture; Samarskaya culture; Khvalynskaya culture; Lebyazhinskiy type; Tokskiy type; Gundorovskiy type; ceramics «with an internal edge»; Chekalinskiy type; Turganinskiy type.

УДК 902.6

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12220

Статья поступила в редакцию 26.01.2019

К ВОПРОСУ О «ПЕРЕЖИТОЧНОМ НЕОЛИТЕ» ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

© 2019

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории и обществознания
Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация)

Аннотация. Концепция «пережиточного неолита» была представлена А.Т. Синюком в его диссертации и в дальнейшем не претерпела существенных изменений. В её основу были положены статистико-стратиграфические наблюдения по поселению Университетская 3. Здесь было выделено три неолитических этапа и четвертый этап «пережиточного неолита». Его начало было связано с появлением на Среднем Дону населения нижнедонской энеолитической культуры, которое вступило в контакт с племенами рыбоозерской культуры. Выводы были основаны на предположении, что хозяйство рыбоозерской культуры было присваивающим, а нижнедонской – производящим. Возможность их сосуществования объяснялась богатейшими экологическими ресурсами донской лесостепи, а также ориентацией на добычу разных пищевых ресурсов. Новые материалы не подтвердили энеолитический характер нижнедонской культуры. Топография расположения поселений свидетельствует о том, что как местные, так и пришлые племена занимали одну и ту же экологическую нишу. Начало энеолита на Среднем Дону следует связывать со среднестоговской культурой, население которой вытеснило или ассимилировало аборигенов. Периода сосуществования энеолитических и неолитических (пережиточных) культур не было ни на Среднем Дону, ни в лесостепном Поволжье.

Ключевые слова: пережиточный неолит; археологическая эпоха; стратиграфия; энеолит; среднедонская культура; нижнедонская культура; среднестоговская культура; лесостепь; Средний Дон; ямочно-гребенчатая керамика; производящее хозяйство; межэтнические контакты; погребальный обряд; рыбоозерская культура; экологическая ниша.

Концепция «пережиточного неолита» лесостепного Подонья была впервые представлена А.Т. Синюком в его кандидатской диссертации [1] и в дальнейшем не претерпела существенных изменений [2]. В её основу были положены статистико-стратиграфические наблюдения, полученные по результатам раскопок стоянки Университетская 3, где было выделено три неолитических этапа и четвертый этап «пережиточного неолита». На двух первых этапах происходило развитие местных неолитических традиций среднедонской неолитической культуры (нижний слой стоянки), которые на третьем этапе были осложнены проникновением носителей керамики долговского типа (нижняя часть среднего слоя). Начало «пережиточного неолита» было связано с появлением в нижней части среднего слоя воротничковой керамики нижнедонской энеолитической культуры, носители которой вступили в контакты с племенами рыбоозерской культуры ямочно-гребенчатой керамики, мигрировавшими с территории Верхнего Подонья [1, с. 8–16].

Вывод о неолитическом характере рыбоозерской культуры базировался на предположении о сохранении её носителями присваивающего хозяйства, основанного на охоте, при постепенно возрастающей роли рыбной ловли. Энеолитическая принадлежность нижнедонской культуры была аргументирована наличием близких аналогий в материалах Мариупольского и Никольского могильников. Кроме того, было

выдвинуто предположение, что основным занятием нижнедонского населения являлось скотоводство и в определенной степени земледелие [1, с. 20].

Впоследствии данная концепция была дополнена положением о том, что богатейшие экологические ресурсы лесостепи способствовали установлению относительно мирных отношений, и это обусловило длительный период сосуществования в регионе населения с различными хозяйственными укладами: пережиточнонеолитическим (присваивающим) и энеолитическим (производящим) [3, с. 69]. При этом под термином «пережиточный неолит» А.Т. Синюк подразумевал именно длительное сосуществование культур с разными хозяйственными укладами в пределах одной и той же территории, что, по его мнению, было возможно только в крайне благоприятных условиях лесостепи, богатой природными ресурсами. Кроме того, им было внесено уточнение о том, что под лесостепным энеолитом следует понимать эпоху, связанную с распространением не только металлов, но и сопутствующих им взаимообусловленных признаков, характеризующих археологическую специфику металлоносного района, откуда были привнесены медные изделия. Если же металлические изделия попадают в новый район, а в местных культурах не фиксируется изменения бытовых устоев, то такие культуры не следует относить к энеолитическим [4, с. 8–9].

В совместной работе А.Т. Синюка и И.Б. Васильева были конкретизированы те изменения в эконо-

мике и социальном устройстве общества, которые должны были сопутствовать распространению металла. Начало энеолита они увязали с «комплексом археологических признаков, которые отражают явления связанные с использованием меди: переоценка видов труда и самих изделий, новые культурные представления и ритуалы, культурные переориентации, новые формы межплеменных и межэтнических контактов» [5, с. 5].

Обосновывая данную точку зрения, они во многом исходили из того положения, что находки металла в культурах периферийного энеолита крайне редки, и поэтому необходимы дополнительные критерии, которые позволили бы установить энеолитическую принадлежность культур, если этих находок пока еще не обнаружено. В качестве примера были приведены материалы Ивановской стоянки, на которой большинство костяных изделий, по трасологическим данным Г.Ф. Коробковой, были изготовлены с помощью медных орудий [5, с. 30].

Однако, несмотря на солидное увеличение источниковой базы по памятникам мариупольской историко-культурной области, находки золотой подвески и медных бусин из Никольского могильника до сих пор остаются единственным свидетельством знакомства данного населения с металлом. Медная бусина найдена еще в 24 погребении Мариупольского могильника, но это захоронение совершено по средне-стоговскому обряду [6]. С мариупольскими древностями А.И. Юдин связывает находку медной пластины из жертвенника Варфоломеевской стоянки [7, с. 102]. Однако единичные фрагменты воротничковой керамики найдены только в 1-м (верхнем) слое стоянки, а жертвенник относится к неолитическому слою орловской культуры 2А. По-видимому, данная пластина является типичным примером единичных находок медных изделий на неолитических памятниках. Неординарность этой находки подтверждается и тем фактом, что, несмотря на трасологические исследования, костяных орудий со следами обработки медными инструментами на стоянке не обнаружено [7, с. 102].

Если же говорить об Ивановской стоянке, то костяные изделия со следами от медных орудий связаны там со слоем самарской культуры, одним из компонентов сложения которой являются носители хвалыньских древностей, достаточно хорошо знакомые с приемами металлообработки [8].

Под большим вопросом также находится утверждение о скотоводческой (конеvodческой по А.Т. Синюку) специализации носителей нижнедонской культуры. Поскольку до сих пор ведутся дискуссии о том, была ли одомашнена лошадь даже в более позднее время населением средне-стоговской культуры [9, с. 298]. В степном и лесостепном Поволжье первые домашние животные фиксируются только в хвалыньское время [10, с. 10].

Впрочем, судя по материалам приазовских памятников Раздольное и Ракушечный Яр, домашние животные населению нижнедонской культуры были известны. На обеих стоянках были найдены и кости лошади, но на поселении Раздольное они были определены как относящиеся к диким особям, на поселении Ракушечный Яр их видовая принадлежность не была установлена [11, с. 111, 115, табл. 2]. Однако кости домашних животных зафиксированы и в ранне-неолитическом слое 5-ой Черкасской стоянки [12],

что свидетельствует о знакомстве части среднедонского населения с навыками производящего хозяйства еще в неолитическое время. Следовательно, появление производящего хозяйства на Среднем Дону нельзя считать энеолитической новацией. Кроме того, согласно справедливому замечанию Н.Я. Мерперта, форма хозяйственной деятельности не может быть основным критерием для выделения эпохи энеолита [13, с. 4–5].

Таким образом, тезис о том, что с появлением нижнедонской культуры на Среднем Дону происходит переоценка видов труда, формируются новые культурные представления, практикуются новые формы межэтнических контактов, является крайне дискуссионным. Поскольку возникает закономерный вопрос: что же изменилось в этот период в жизни среднедонского населения, если производящее хозяйство было известно и раньше, а металла как не было, так и нет?

Помимо этого определенные сомнения существуют в обоснованности заключений о сосуществовании населения разных культур, сделанных на основе статистико-стратиграфических наблюдений, поскольку для многослойных дюнных стоянок с песчаным культурным слоем залегание разнокультурных материалов в одних и тех же литологических горизонтах весьма распространенное явление. Поэтому совместное залегание неолитических и энеолитических материалов не обязательно свидетельствует об их существовании на поселении. В лучшем случае это говорит об их принадлежности к близкому хронологическому интервалу, но и то далеко не всегда. Наглядные примеры совместного залегания разновременных материалов в слое приведены в монографии А.Т. Синюка [4, с. 48, рис. 2, 4, 5].

Более надежные стратиграфические данные, по идее, должны быть получены с береговой Черкасской стоянки, слою на которой вскрывались штыками по 20 см. На первом раскопе нижнедонская керамика тяготеет здесь к 5–6 штыкам, а неолитическая среднедонская имеет максимум залегания на 9–10 штыках, материалы которых перекрыты прослойкой стерильного песка. Выше неолитическая посуда равномерно распределена с 6 по 3 штыки, причем в 3-м штыке уже залегает совместно со средне-стоговской посудой. При этом стоговская керамика также была представлена в 5–7 штыках [4, с. 50, 81, табл. 1, 5; 14]. Подобное распределение материала свидетельствует, что верхние слои поселения (3–6 штыки) частично нарушены, вероятно, в результате хозяйственной деятельности древнего населения.

По мнению А.Т. Синюка, достаточно типичной можно считать ситуацию, когда носители ямочно-гребенчатой керамики могли подселаться на стоянки среднедонской культуры [1]. Однако оптимальные размеры неолитической общины были обусловлены емкостью окружающих биоресурсов, и резкое увеличение её численности могло привести к дисбалансу. Поэтому если подобная практика имела место, то только в качестве исключения из правил.

Основа долговременного сосуществования разнокультурных групп населения на Дону виделась А.Т. Синюку в их ориентации на добычу разных источников пищи. По его мнению, для носителей ямочно-гребенчатой керамики основным средством получения продуктов питания являлось рыболовство, а для нижнедонской культуры – скотоводство

(коневодство?). Однако данные выводы базировались не на анализе остеологических остатков, а на ряде косвенных данных. В частности, занятие рыболовством аргументировалось широким распространением артефактов, связанных с занятиями подобного рода (грузила для сетей, крючки, гарпуны и др.) [2, с. 83–84]. Но даже если принять точку зрения, что нижнедонские племена отдавали предпочтение скотоводству, то расположение их поселений совершенно аналогично топографии стоянок среднедонской и рыбоозерской культуры. То есть они не в меньшей степени, чем неолитическое население, были ориентированы на водные ресурсы и, следовательно, конкурировали с аборигенами за данный источник пищи. Как показывает изучение поселений срубной культуры Среднего Дона, для населения ориентированного на преимущественное развитие скотоводческого хозяйства характерна иная топография памятников, большинство которых расположено не в поймах крупных рек, а на их водоразделах [15, с. 219–252]. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что успешное развитие ранних форм скотоводства практически невозможно без параллельного занятия земледелием, роль которого у населения мариупольской культурно-исторической области признается исследователями минимальной [16, с. 19].

Поэтому чередование разнокультурных материалов на среднедонских стоянках следует объяснять не сосуществованием их носителей, а периодической сменой населения, которая могла быть вызвана как демографическими факторами, так и изменением природной обстановки. Еще в своей диссертации А.Т. Синюк формулирует тезис о том, что южные культурные компоненты оказались жизнеспособнее, поэтому местные неолитические племена были подвергнуты ассимиляции и вытеснению [1, с. 17]. Однако жизнеспособность ранних скотоводческих укладов у населения, оказавшихся в непривычных природных условиях, далеко не столь очевидна: не располагая в должном количестве продуктами земледелия, населению нижнедонской культуры крайне сложно было обеспечить кормом домашних животных в зимнее время. Вероятно, одним из существенных факторов, который оказывал влияние на кормовую базу, была протяженность зимнего периода и особенно высота снегового покрова. Изменение данных параметров могло привести к кризисным явлениям и последующему сокращению населения. Значительно меньше от данных факторов зависели рыболовы, охотники и собиратели. Переход к сезонной оседлости, основанной на интенсивном рыболовстве с использованием сетей и заколов, привел к заметному увеличению населения лесной зоны, что способствовало увеличению его миграционной активности [17]. По-видимому, сочетание вышеназванных факторов и привело к тому, что места бывших поселений нижнедонской культуры оказались заняты носителями ямочно-гребенчатой керамики. Данные выводы, в принципе, вполне согласуются с точкой зрения А.Т. Синюка о том, что большинство памятников нижнедонской культуры (Университетские 1 и 3, Черкасская, Дронихинская) являются кратковременными стоянками сезонного пользования [2, с. 442]. В диссертации А.М. Скоробогатова в Среднем Подонье зафиксировано всего 9 памятников нижнедонской культуры [18, с. 11], что опять же свидетель-

ствует о довольно непродолжительном пребывании данного населения на указанной территории. По всей видимости, столкнувшись на Среднем Дону с неблагоприятными условиями для развития ранних форм скотоводства, их население вынуждено было вернуться на исходные позиции.

Таким образом, применительно к нижнедонской культуре ни по одному из предложенных А.Т. Синюком параметров нельзя говорить о существовании на Среднем Дону «пережиточного неолита». Распространение металла и связанного с ним комплекса сопутствующих археологических признаков в Волго-Донской лесостепи происходит в среднестоговское время, когда сюда с юга пришла новая волна населения, не только знакомого с металлом, но и, вероятно, освоившего более эффективные навыки разведения домашнего скота в условиях лесостепной зоны. По мнению Н.С. Котовой [19, с. 74] и А.М. Скоробогатова [18, с. 15], широкое распространение среднестоговских памятников относится к позднему этапу существования данной культуры. В это время, вероятно, неолитические племена Среднего Дона были ассимилированы или вытеснены, а места их стоянок, теперь уже окончательно, были заняты мигрантами с юга, облик культуры которых соответствует всем основным параметрам энеолитической эпохи.

Именно в это время происходят те изменения, о которых писали А.Т. Синюк и И.Б. Васильев применительно к более раннему времени. Осуществляется переоценка видов труда и самих изделий, о чем свидетельствует появление вещей, имеющих престижный характер. Это зооморфные скипетры и, конечно, изделия из металла. Новые культурные представления и ритуалы находят отражение в распространении достаточно сложных форм погребального обряда, которые приходят на смену прежним традициям захоронений умерших в вытянутом положении на спине с минимальным набором вещей. В это же время возникает принципиально новый способ погребения умерших под насыпью кургана. Дифференциация по составу погребального инвентаря и трудозатратам на захоронение умершего, видимо, отражает процесс усложнения социальной структуры среднестоговского общества.

О культурной переориентации и новых формах межэтнических контактов свидетельствует налаживание регулярных связей с источниками получения металла – культурами Балкано-Карпатского региона. Особенно наглядно это иллюстрируют материалы памятников новоданиловского типа, носители которых, по мнению Д.Я. Телегина [20], специализировались на посреднических обменных операциях изделиями из металла. Н.С. Котова полагает, что среднестоговские племена также осуществляли обмен кремневым сырьем, которое в основном добывалось в бассейне Северного Донца а затем доставлялось на территорию Приазовья, Подонья и Поднепровья [19, с. 147]. Наличие ряда погребений с набором престижных вещей, совершенных по среднестоговскому обряду на западе, достаточно далеко за пределами основного ареала культуры, свидетельствует об организации среднестоговцами длительных экспедиций, совершаемых для организации межплеменного обмена [19, с. 149]. Вероятно, результатом новых форм межэтнических контактов становится распространение схожих норм погребального обряда не

внутри единой культуры, как это имело место в неолите, а среди населения разных культур. Именно на основе данного признака исследователи выделяют хвалыинско-среднестоговскую область [21, с. 33].

С распространением среднестоговских традиций на западе и хвалыинских на востоке в лесостепной зоне происходит процесс трансформации местных неолитических культур, результатом которой становится сложение гибридных образований: репинской и самарской культуры. Эти культуры ни в коей мере уже не являются пережиточно-неолитическими, и только на более северных, лесных территориях сохраняются племена, не испытавших на себе хвалыинско-стоговского воздействия. При желании культуру этих племен можно назвать пережиточно-неолитической, но по концепции А.Т. Синюка таковыми следует считать только культуры, сосуществующие на одной и той же территории с энеолитическими.

На наш взгляд, подобное мирное сосуществование возможно, но только в том случае, если их население специализируется на получение пищи из разных источников. Однако в хозяйстве населения периферийных культур лесостепного энеолита охота и рыболовство по-прежнему играли весьма существенную роль, о чем, например, свидетельствуют материалы среднестоговских поселений Васильевский кордон 17 и 27 [22]. Это неизбежно должно было приводить их к столкновению с местными племенами в борьбе за контроль над этими ресурсами, что в итоге заканчивалось вытеснением или ассимиляцией местного населения. Об отсутствии длительного периода сосуществования пришлых и местных культур свидетельствуют и данные радиоуглеродного датирования, согласно которым неолитические памятники завершают свое существование на грани 4782–4320 ВС [23], а среднестоговские – получают повсеместное распространение в период 4150 (4195) ВС до 3700 ВС [18].

Таким образом, на Среднем Дону не было продолжительного сосуществования неолитических и энеолитических культур, как не было подобного «пережиточного» периода и на территории лесостепного Поволжья [24].

Список литературы:

1. Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971. 22 с.
2. Синюк А.Т. Избранные труды. Воронеж: ВГПУ, 2014. 752 с.
3. Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 53–72.
4. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: ВГУ, 1986. 180 с.
5. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.
6. Котова Н.С. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье) // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. Ковель: Вежа, 1994. 143 с.
7. Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования лесостепного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СамГПУ, 1998. С. 83–105.

8. Ставицкий В.В. Рецензия на монографию: Моргунова Н.Л. Энеолит Волго-Уральского междуречья (Оренбург, 2011. 220 с.) // Поволжская Археология. 2013. № 3 (5). С. 200–208.

9. Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum Plus. 2000. № 2. С. 237–295.

10. Выборнов А.А., Ойнонен М., Дога Н.С., Кулькова М.А., Попов А.С. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. 21 (3). С. 6–13.

11. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.

12. Скоробогатов А.М., Яниш Е.Ю., Александровский А.Л. Неолитическая стоянка Черкасская-5 на Среднем Дону: соотношение охоты и рыболовства по фаунистическим и археологическим данным // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: мат-лы междунар. конф., посв. 50-летию В.М. Лозовского. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 72–75.

13. Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 3–26.

14. Синюк А.Т., Васильев И.Б. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди Юга Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 102–129.

15. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 1996. 350 с.

16. Мерперт Н.Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж: ВГУ, 1981. С. 4–21.

17. Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения памятников ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 52–59.

18. Скоробогатов А.М. Энеолитические памятники Донской лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 16 с.

19. Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Шлях, 2006. 328 с.

20. Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников. Луганск: Шлях, 2001. 152 с.

21. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1981. 128 с.

22. Яниш Е.Ю., Смольянинов Р.В., Шеменёв С.В., Желудков А.С., Юркина Е.С., Бессуднов А.Н. Проявление свидетельств охоты и рыбной ловли в материалах энеолитического поселения и могильника Васильевский кордон 27 // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 76–80.

23. Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г. Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников Подонья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 3–2. С. 366–369.

24. Ставицкий В.В. К вопросу о выделении неоэнеолитической эпохи в Поволжье // Археологические источники и культурогенез. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2013. С. 31–33.

THE QUESTION OF «VESTIGIAL NEOLITHIC» FOREST-STEPPE DON

© 2019

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich, doctor of historical sciences,
professor of General History and Social Science Department
Penza State University (Penza, Russian Federation)

Abstract. The concept of «vestigial Neolithic» was presented by A.T. Sinyuk in his thesis and hasn't undergone any significant changes. It was based on statistical and stratigraphic observations of Universitetskaya 3 settlement. Here three Neolithic stages and the fourth stage «vestigial Neolithic» were identified. Its beginning was connected with the appearance of the population of the lower Don Eneolithic culture on the Middle Don, which contacted with the tribes of fish culture. The findings were based on the assumption that the economy of the Rybnoserskaya culture was appropriating, while the economy of the Nizhnedonskaya culture was producing. The possibility of their coexistence was explained by the rich ecological resources of the forest-steppe Don, as well as the focus on the extraction of different food resources. New materials have not confirmed the Neolithic nature of the Nizhnedonskaya culture. The topography of the settlements indicates that both local and alien tribes occupied the same ecological niche. The beginning of the Eneolithic period on the Middle Don should be associated with the Middle Eastern culture, the population of which displaced or assimilated the aborigines. There wasn't any period of coexistence of Eneolithic and Neolithic (survivable) cultures either on the Middle Don, or in the forest-steppe Volga region.

Keywords: vestigial Neolithic; archaeological era; stratigraphy; Eneolithic; Srednedonskaya culture; Nizhnedonskaya culture; Srednestogovskaya culture; forest-steppe; Middle Don; pit-comb ceramics; conducting economy; inter-ethnic contacts; funeral ceremony; Rybnoserskaya culture; ecological niche.

УДК 902

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12221

Статья поступила в редакцию 13.01.2019

**СРЕДНЕДОНСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ, ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ**

© 2019

Сурков Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, археолог
Центр охранных археологических исследований (г. Воронеж, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматриваются основные итоги изучения среднедонской неолитической культуры. Отмечается вклад А.Т. Синюка в ее выделение и дальнейшее изучение. Прослежена эволюция его взглядов на содержание раннего этапа культуры по мере изучения неолитических стоянок на Дону. Так, первая периодизация, сделанная в 1971 г. по итогам изучения стоянки Университетская III, затем была скорректирована, особенно после раскопок стоянки Монастырская I. Хронология культуры по современным представлениям укладывается в IV–V тыс. до н.э. Происхождение среднедонской культуры является дискуссионным. Новые абсолютные датировки позволяют рассматривать ранний этап в рамках первой половины VI – третьей четверти VI тыс. до н.э. и связывать его с первыми памятниками с накольчатой керамикой и пластинчатым каменным инвентарем, отмечается взаимодействие среднедонского населения с карамышевским на раннем этапе. Развитой этап – последняя четверть VI – первая четверть V тыс. до н.э., распространение накольчато-гребенчатой посуды, орнамент полностью заполняет внешнюю поверхность сосудов. Поздний этап – вторая четверть V – конец V тыс. до н.э., формирование синкретических типов – черкасского, накольчато-ямочного. Пережиточный этап – начало IV тыс. до н.э., финал среднедонских традиций, слабо выраженный в рыбно-озерском типе керамики.

Ключевые слова: неолит; археологическая культура; периодизация; хронология; лесостепной Дон; р. Воронеж; Побитюжье; стоянка Университетская III; стоянка Монастырская I; стоянка Ступино; стоянка Доброе 9; стоянка Васильевский кордон 7; керамика; орнаментация; накол; карамышевская культура; среднедонская культура.

Прошло уже столетия с момента выявления и первых раскопок среднедонских неолитических стоянок А.Т. Синюком. В этом году мы отмечаем 80-летний юбилей исследователя, в связи с чем хотелось бы вновь обратиться к его научному наследию, к тому огромному потенциалу, который он раскрыл, изучая донские стоянки, заложив прочный фундамент дальнейших научных разработок.

История изучения

Неолитическая эпоха занимала важнейшее место в исследованиях Арсена Тиграновича, им была создана целостная картина развития материальной культуры населения этой эпохи в лесостепном Подонье [1, с. 167, рис. 46]. Важной вехой в этом пути

стало выделение среднедонской культуры, самобытность которой была обоснована с анализом практически всех известных к тому времени памятников накольчатого и накольчато-гребенчатого неолита сопредельных территорий [2, с. 16].

Основой для выделения среднедонской культуры стали масштабные раскопки стоянок в пойме р. Воронежа при подготовке к затоплению поймы при строительстве Воронежского водохранилища в нижнем течении реки.

О большом количестве древних поселений в черте г. Воронежа было известно еще в довоенное время, Н.В. Валукинским была составлена карта памятников [3, с. 292, рис. 1]. К сожалению, эта коллекция